

Часть первая

В Евро-Атлантической цивилизации

Глава 1

Мечтательность правителей и народов

Мечты о социализме и централизация

Если вспомнить уже пережитые мечты народов, глубоко потрясавшие мир последние лет сто пятьдесят, нынешняя германская мечтательность в области экологии не покажется такой уж удивительной.

Социалистический идеализм, вышедший из так называемого утопического коммунизма, мощно развился в Германии XIX века как научное и общественное движение. При попытке практической реализации он был там после первой из мировых войн раздавлен, но раздавлен только политически. Даже гитлеровская идеология была не чужда ему, в социальном же сознании он остался и даже до сих пор сохраняется. Зато после первой мировой войны он расцвёл в бывшем СССР и превратился там в манию внедрения социализма и коммунизма на всей планете.

В Германии масштаб движения к социалистическому централизму управления обществом мыслился скромнее, чем в СССР, но тоже немалым: на всю Европу – от Атлантики до Урала, и это движение дополнилось другой манией – расистского господства.

Обе мании идеалистов обошлись человечеству десятками миллионов жертв. Оглядываясь на этот опыт, надеемся всё же, что экологи-

ческие мечты при всём их максимализме не обернутся для людей столь разрушительно.

Германский народ принял на себя в XX веке роль провозвестника, пророка расизма, а теперь, в XXI веке – совсем другого: чистоты атмосферы от углекислого газа. Советский народ XX века, казалось бы, наоборот, внедрял социализм и мечтал о коммунизме. Однако, у этих столь разных глобальных миссий есть существенная общность: они своевольно навязывают народам централизованное управление обществом, его общественной, производственной и даже личной жизнью. В этом их нежизненность.

Попутно. Нежизненность социализма подтверждена обширной практикой. Важнейшая его особенность: все средства производства обобществлены, т.е. управляются государственным аппаратом, его чиновниками. Чиновники высшего уровня командуют чиновниками пониже, и они все вместе – теми, кто создаёт ту продукцию в том количестве, когда и как указывают чиновники. Создателей вещественной или интеллектуальной продукции, независимых от государственного аппарата, нет (кроме нелегальных). Этот единовластный аппарат, аккумулирующий в своём распоряжении все ресурсы общества, руководит, как следствие, и общественной жизнью, а также стремится руководить и личной. Человек в такой системе имеет ценность только вроде винтика в сложном механизме, он отучается самостоятельно мыслить и, тем более, действовать. Самоорганизация людей рассматривается такой системой как попытка создания конкурентной среды и неприемлема. Естественны для такого общества мелкая коррупция типа «ты мне – я тебе», воровство на производстве и чёрный рынок. Эта система эффективна только в создании вооружения, армии и средств подавления общества; она нацелена на экспансию, т.е. на войну.

В глобальном миссионерстве присутствует чувство гордой избранности. Романтическая жертвенность российских революционеров и гитлеровского расистского избранничества общеизвестны. Чувство избранности сопутствует Германии и в экологических свершениях: она желает быть «впереди планеты всей», хотя её собственная доля в порче экологии планеты и, значит, возможный вклад в её улучшение – незначительны. Пока на этом пути сделано много крупных ошибок, и их последствия видны и в международных делах, и в энергетике Германии, и в её экономике, и в социальной сфере.

С жертвенностью было связано и ленинско-сталинское решение о «построении социализма в одной отдельно взятой стране» на основе немецкого учения о «диктатуре пролетариата». На практике это означало создать личную диктатуру над своей партией, единственной разрешённой в стране и оттого правящей, назвать её «диктатурой рабоче-

го класса», тогда в стране незначительного, и строить социализм в стране отсталой, сельской, ресурсов для этого не имеющей, строить его за счёт бесчеловечной эксплуатации и разорения крестьянства. И действительно, пожертвовали многим – уморили много миллионов людей, затем уничтожили и многих мечтателей, но искомый социализм в смысле глобальной централизации управления обществом – действительно построили.

Наконец, ещё одно сопоставление. Германия в XIX веке и Россия в XXI веке обуреваемы объединительной идеей.

Пруссия под руководством Бисмарка путём многих интриг, реформ, двух малых войн (с Австрией и с Данией) и одной большой (с Францией) своего добилась – Германия была объединена. Дальше это привело к двум мировым войнам, но здесь интересно иное: Бисмарк благоразумно отказался от того, чтобы завершить объединение немецкого народа присоединением ещё и Австрии (этим он разрушил бы империю Австро-Венгрию и оказался бы вместо неё перед фрондой западных славян и Балкан). А Гитлер оказался последовательней: присоединил. И не только Австрию. В итоге, между этими двумя мечтателями о величии Германии громадная разница: Бисмарк – железный канцлер, создавший Германию, а Гитлер – мерзкий преступник и неудачник, принесший Германии много горя и позор.

Крайне важный аспект мечтательности: она, как правило, ведёт к постепенно возрастающей централизации управления обществом и к войнам. Централизация, конечно, нужна обществу – хотя бы для обороны границ государства или для различных полицейских функций. Но организаторы централизации управления, входя во вкус, предпринимают, что делать в промышленности (например, закрыть атомные электростанции и строить ветряные и солнечные), на чём ездить (на электромобилях, но не на автомобилях на органическом топливе), как противостоять пандемии (сделать обязательные прививки и даже сидеть безвылазно дома или прогуливаться не далее 100 метров от дома). Централизация предполагает, что где-то наверху, в правительстве и около него, находятся умные люди, которые всё знают лучше остальных, действуют отнюдь не в личных интересах, а только альтруистически и решают всё эффективно и справедливо. Конечно, это не всегда так, чаще даже совсем не так, централизация порождает коррупцию. Но главный ущерб от излишней централизации в другом.

Она делает людей зависимыми от государства, приучает действовать с оглядкой на навязанные мнения и даже «научно» обосновывать их, лишает их самостоятельности и творческой инициативы, что ведёт к губительному для общества застою и к его деградации.

Тема мечтательности и жертвенности народов, их склонности к централизации так увлекательна и важна, что достойна глубокого исследования историков и социальных психологов (например, лютеранство XVI века в Германии и церковный раскол XVII века в России). Такое исследование мне не по зубам, и, записав наиболее очевидное, я воздерживаюсь от дальнейшего обсуждения этой темы.

Социалисты как диктаторы

Характерная особенность Ленина, Сталина и Гитлера – все трое были социалистами. Сталин – очень последовательным, Ленин – с учётом обстоятельств (доведя страну "военным коммунизмом" до полной голодной разрухи, разрешил ограниченную частную собственность – ввёл НЭП), а третий в смысле социализма был помягче: частную собственность не отменил, зато ею командовал. Но все трое привели свой народ к краху.

По замыслу, социализм должен служить благополучию народа. Это в СССР и частично в гитлеровской Германии выразилось наиболее ярко в том, что на все многочисленные уровни и ветви централизованного управления страной, а значит и к личному благополучию пришли новые люди – снизу. Несмотря на то, что большинство из них, мягко говоря, не имело должного образования и управляло плохо (особенно в СССР), их молодая энергия и их благодарная преданность режиму, пока они не зарвались окончательно, обеспечивали требуемое развитие. Чтобы поддерживать энтузиазм и преданность, Сталин прибегал к периодическим уничтожениям уже достигших благополучия (в 1920-е и 30-е годы это называлось "чистка"). Взамен привлекались новые люди, снизу. Происходило это на всех уровнях управления, снизу до самого верха. Так наполнялись могильники и концлагеря, а также создавались, говоря современным языком, социальные лифты. Большинство продвигаемых вверх очень ценило возможности подняться, было так благодарно и предано начальству, что выполняло любую грязную работу, наивно не понимая, что вскоре может наступить их очередь двинуться не вверх, а на жёсткий отсев.

Попутно – характерный пример. За несколько месяцев до смерти Сталин, пристально подготавливая высылку евреев в Сибирь, опирался не на своих приближённых из верха партии - из её политбюро, а на средних полицейских чинов (например, 40-летнее жестокое ничтожество М.Д. Рюмин, недавно получивший чин полковника, ставший игрушкой в руках высших интриганов, арестованный через две недели после смерти Сталина и вскоре расстрелянный). На этом деле и по некоторым другим признакам (в коротком выступлении на последнем 19-м съезде партии Сталин о своей партии не сказал ни слова) поделщики поняли, что их вождь, отодвигая их, готовит новую перетряску партии и скоро их уничтожит. Испугавшись, они, как многие полагают, сумели его смерть ускорить.

Современный российский диктатор, в отличие от почитаемого им Сталина, маловато "занимается" кадрами, опирается на старых проверенных гуру и сподвижников, что закупоривает лифты и, похоже, является одной из слабостей его управления.

Объединение Европы:

диктаторски или демократически

Самовольное навязывание своей воли во многом основано на преувеличении своих качеств, своей ценности и своих целей в сравнении с прочими людьми, будь то близкий круг или целое общество, т.е., в сущности, – на антиобщественном презрении к ним. Явлению самовольства посвящена масса сочинений, здесь же достаточно напомнить о литературных персонажах, которыми психологическая часть проблемы обрисована замечательно: Раскольников из "Преступления и наказания" Ф. Достоевского или Герман из "Пиковой дамы" А. Пушкина. Эти персонажи не далеки от понятий Ф. Ницше о сверхчеловеке и белокурой бестии, ведущих прямоком к гитлеризму и т.п.

Каждый диктатор, если он к власти прорвался, а не получил её наследственным путём, не только обуян мание самовольства и властолюбия, но и провозглашает какую-то свою цель, малый диктатор – малую, большой – большую, даже великую и украшенную идеологией. Вспомним, хотя бы упрощено, европейские примеры. Наполеон и Гитлер стремились к объединению Европы – под своим, конечно, диктатором (Гитлер ещё и на основе арийского бреда). Цель Ленина – социализм в своей стране и затем коммунизм во всём мире. Сталин достиг положения главы социализма в своей стране и в восточной Европе и желал того же для всей Европы. Цель нового диктатора России кажется скромнее – под руководством России и его лично восстановить распавшийся в 1991 году СССР. Однако, судя по его речам и поступ-

кам, он имеет и более глобальную цель. Используя пристойную часть лексики его круга, эту цель можно сформулировать так: раздербанить мировой порядок, сложившийся в результате 2-ой мировой войны, и в созданном хаосе явиться главным решалой.

Диктатор как бы вслед за Макиавелли считает, что его великая цель оправдывает средства и, по мере возникновения препятствий на своём пути, небрезгливо использует средства жестокие, даже чудовищно преступные (мол, «лес рубят – щепки летят» и т.п.).

Можно заметить, что ни один диктатор не достиг своей цели, а если почти достиг, то на исторически короткое время. Наполеон и Гитлер окончили свои дни позорно (Наполеон, не забудем, всё же сдвинул Европу к капитализму и ввёл во Франции Гражданский кодекс). Ленин только установил диктатуру, но не успел развернуться – умер. Сталин сначала свою страну и затем восточную Европу действительно преобразовал, но его конструкция, завершённая в 1940-х годах, была нежизнеспособной – сразу после его смерти выявилась её слабость, и через 40 лет она начала быстро рушиться.

Деятельность диктаторов-объединителей имела последствия, совсем не ожидаемые ими: они подтолкнули Европу к объединению, но другими методами, не диктаторскими.

Стремление к объединению Европы реализовалось только в последние десятилетия и в гораздо более мягкой форме, чем раньше предполагали преждевременно и диктаторски: образовался Европейский Союз (ЕС). Его ядром явились несколько демократических государств западной Европы. К этому ядру постепенно примкнул более западные и потом восточные соседи, и это происходило по мере ввода у них демократических институтов и порядков, подобных уже внедрённым в этом Союзе. Сейчас очередь дошла до Украины и Молдавии. Есть и новое качество: по мере своего становления преимущественно экономический союз проявляет себя и политически, чему очень способствует страх перед опаснейшей брутальностью соседней России. Этот Союз, если он воздержится от излишней внутренней суеты – от мелочного регулирования всего-всего и от нетерпимости по отношению к непринципиальным для Союза особенностям государств-участников, может оказаться вполне жизнеспособным образованием, благотворным для всех его членов и для внешнего мира.

Неудачи диктаторов имеют много конкретных причин, в разных обстоятельствах разных, но видна и общая, фундаментальная причина.

Она в том, что их цели не соответствовали потребностям общества, выглядели слишком резкими и эгоистическими или, как сейчас говорят, экстремистскими (и преступными тоже). Ведь человеческое общество, будучи частью природы, как и вся живая природа, не любит резких, своевольных изменений, которые не вытекают из прежнего опыта в качестве назревшей потребности; к рывкам людям и обществам слишком трудно адаптироваться.

Россия на тяжёлом перепутье

Сегодня российский диктатор мечтает то проявить страну в качестве «энергетической сверхдержавы», то оттеснить США от первенства в мире и образовать некий «многополярный мир», то собрать воедино «русский мир», т.е. как-то возглавить русских, разбредшихся по планете, то обрести Россию до имперского подобия СССР.

От тех, кто дорвался к рулю, слышатся ретроградные всхлипы о возврате к корням. Они тоскуют, конечно, не по Толстому с Чеховым, а по чему-то вроде реакционного лозунга "православие, самодержавие, народность" или умиляются на сарафан, лапти, Ивана Грозного, Сталина... Всё это старьё, однако, мало для кого годится в качестве желанного образа будущего общества.

Российский диктатор и его команда органически не способны дать стране возможность спокойно заняться необходимым совершенствованием того немалого, чем страна всё-таки обладает. Вместо этого, они в своей деятельной мечтательности пустились в воинственные манёвры вокруг Украины и затем, когда это не произвело должного впечатления, решились на вторжение в неё. Они, как и большинство народа России, не понимали и, видимо, не поймут, что это не соответствует ни мало-мальски цивилизованным взглядам на сосуществование государств ни, более того, современным возможностям России. Эти поступки, вполне вероятно, приведут к очень скверным последствиям.

Диктатор России не способен следовать путём мудрого Бисмарка, или хотя бы единственного не воинственного монарха России Александра III. Тот жёстко расправился с народовольцами, нетерпеливо убившими его отца – царя-реформатора Александра II, но не воевал, и в его правление страна быстро развивалась. К сожалению, современ-

ный диктатор вдохновляется Сталиным и, судя по вторжению в Украину, сильно перешеголял его в лихой неосторожности.

Попутно. Любопытно обнаружилась и характерная для такой ситуации новация: "художественная" тусовка под Новый год устроила шалость – эпатажный костюмированный бал в виде абсолютно безвкусной "голой вечеринки". На неё известные на эстраде лица (и бывшая кандидат в президенты страны) явились, едва прикрыв стыд. В условиях затеянной рулевыми страны бессмысленной войны, жертвы которой исчисляются сотнями тысяч, эта шалость выглядит кощунственно. Не лучше и ответная истерика ревнителей нравов вместе с полицейским преследованием шалунов.

Среди ретроградных предложений выделяется запрет аборт. Если у инициаторов этого запрета есть совесть, то, наверное, они не вполне понимают, что этот запрет привёл бы к практике разного рода нелегальных абортов и, следом, к массе тяжёлых последствий, но не к искомому увеличению рождаемости. В сталинское время этот запрет существовал, и мне привелось увидеть такой аборт очень близко. Описывать его не буду, но, поверьте, это было так отвратительно всем участникам, что даже ревнителям запрета не пожелаю оказаться перед необходимостью подобного.

И любители современной роскошной жизни, и ретрограды, и развлекатели развращены лихими коррупционными деньгами, они помышляют лишь о самосохранении и острых наслаждениях, они не могут предложить стране, её людям никакого путного ориентира. Отсутствии внятной идеологии, цели, прикрываемое ханжеской пропагандой, ведёт интеллектуальную жизнь общества к деградации: его научные и хозяйственные структуры теряют способных людей, а управляющие структуры склоняются ко всё более заметной жестокости; отсюда – потеря эффективности.

Власти России стараются сделать войну незаметной для тех, кто причастен к ней лишь косвенно, но она, тем не менее, давит на трудящихся людей всё тяжелее. Показательный факт - многочисленные стихийные протесты женщин с требованием вернуть с фронта отвоёвавших свой срок близких (в связи с этим, Т. Вольтская напомнила трагедию Аристофана; её эссе "Лисистрата 2.0" читается на сайте "Радио Свобода").

Так кровопролитие своевольно затеянной войны в Украине сопровождается не только ростом цен, но и низовыми протестами, деградацией системы управления и разложением нравов. Всё это вместе вполне может привести сложившуюся в России систему не только к военной неудаче вроде потери Крыма, но и к государственному и общественному краху.

Глава 2

Демократы и диктаторы

Любопытно сравнить эффективность демократического устройства страны и разных видов самоуправления. Существует тонкая классификация самоуправления – в зависимости от уровня своенравия правителя, но здесь для этого нет необходимости, и всех их, от авторитаристов до вождей и тиранов, назовём для краткости диктаторами.

Неприятно сознавать, что среди диктаторов толковые и решительные обнаруживаются гораздо чаще, чем среди лидеров, правящих демократически.

В старые времена всевозможные диктаторы были вполне органичны, их счёт велик, немало было и удачливых, начиная, скажем, от Александра Македонского до Наполеона. За последние сто лет, когда демократия стала единственно приличным способом управления, на этом фоне возник целый ряд любопытных диктаторов, использующих демократические институты в качестве декорации. Среди них наиболее яркие, значительные и обновившие парк утопий своими теориями – Ленин, Муссолини, Сталин, Гитлер, Мао. Диктаторов поменьше, послабее и теперь немало.

Сильных демократических лидеров было куда меньше: решавшие сложнейшие задачи Черчилль и Бен-Гурион, затем в более спокойное время Тэтчер и, вероятно, ещё де-Голль, Аденауэр, Рейган. К ним, действовавшим удачно, примыкает Горбачев, отважно преодолевший многое, но всё же лишь малую часть того, с чем, не до конца понимая многосложность положения, столкнулся и что предстоит до сих пор.

Сегодня, может быть по незнанию, я не могу назвать ни одного значительного демократического лидера, кроме, вероятно, того, что жизнь выдвинула на эту роль украинского Зеленского. Хотя прогресс человечества движется, в основном, демократическими странами, на поверхности международных дел видны, задают тон диктаторы.

Турецкий урок

Показательный урок эффективности преподавал турецкий диктатор. Круто расправившись со штатскими и военными недругами внутри страны, он стал угрожать европейским правительствам пропуском на их территорию массы мигрантов с Ближнего Востока. Эти правительства, создав Европейский Союз, уже получили громадное благо отказа от охраны его внутренних границ. Охваченные прогрессистскими идеями, они не озаботились охранять и внешние: это, де, недостойно современного гуманно мыслящего человека, да ещё слишком дорого для электората и грозит неуспехом на выборах. В создавшейся обстановке они, только что уже хлебнув по своей охоте проблем с мигрантами, испугались не на шутку. Талантливый шантаж удался: европейским демократам пришлось дорого откупаться.

Белорусский урок

Для демократов Европы эта малая страна не так важна, как Турция, и в ответ на грубое подавление диктатором мирных протестов против фальши его выборов они отважились отреагировать бесцеремонным непризнанием его президентства. В отместку и для самоутверждения диктатор, тоже небесталанный, по прошествии немногих лет, пошёл турецким путём. Он завёз к себе мигрантов из того же Ближнего Востока и направил их туда, куда им и хотелось, – через западную границу Беларуси на иждивение к демократам. Пограничные страны стали их не пускать и срочно укреплять границу с Беларусью, а обнадёженные перевозчиками и властями мигранты, упёрлись в закрытую границу и оказались в беде холода и голода.

В связи с этим диктатор, убедительно играя роль самоуверенного простака из народа, по мере нарастания неприятностей заметно постарел и всё чаще озлобившись, выдал замечательную репризу: мол, мигранты у меня, но стремятся-то не ко мне, а дальше, к вам, так что, они – ваша проблема, вот и разбирайтесь. А среди богатых стран, куда

стремятся мигранты, мнения скандально разделились. Одни винили во всём белорусского диктатора и звали убрать мигрантов туда, откуда они прибыли, а также помочь пограничным странам крепить границу с Беларусью. Другие же обвиняли пограничные страны в бесчеловечной чёрствости и призывали именно их как-то умиловить этого диктатора. Канцлер Германии в последние дни своей последней каденции лично увещевала правителя Беларуси и, по-видимому, обещала за хорошее поведение какие-то пряники. Но похоже, шантажист не внял и на этот раз слишком зарвался: мигранты остановлены, а он ещё больше запутался в лапах более крупного диктатора, российского.

Энергетический урок

Следующий пример другого рода – из области энергетики, которую посредством многих реформ привели в Германии к удивительно нелепому положению.

После аварии на японской атомной электростанции Фукусима зелёные активисты внушили значительной части населения такой страх перед подобными авариями в Германии, что консервативное в то время правительство, чтобы не терять голоса на выборах, приняло, по моему мнению, глубоко ошибочное решение: не совершенствовать надёжность атомных станций, а поступить попросту – все закрыть (подробнее об этом – [Кн. 3], стр. 54-58, и [Кн. 4], стр. 254-260). Заметим, кстати, что тем самым закрыли в стране перспективнейшее направление развития науки, техники и экономики. А между тем, атомных станций вокруг Германии предостаточно, во Франции, например, их много и намечено дополнительное строительство. Относительно же опасности атомных станций сегодняшний опыт говорит, что за истекшие лет 50 на них случилось две катастрофы (Чернобыль и Фукусима), которые непосредственно и сразу вызвали меньшее количество жертв, чем ежедневно приносят обычные автомобильные аварии (только в Германии – около 10).

Чуть позже от страха перед избытком CO₂ и грядущим из-за него изменением климата, и уповая на предпринятое развитие солнечных и ветровых генераторов, стали закрывать угольные электростанции, и уже было собрались закрыть газовые. Увлечшись, забыли, что генерация от солнца и ветра изменчива, как погода. Теперь, вероятно, уже получив неприятный опыт, собираются подстраховать солнце и ветер

путём строительства электростанций, работающие на газе. Пока крупные аккумулирующие энергию системы в зачаточном состоянии, суммарная мощность этих страховочных электростанций должна быть ненамного меньше, чем солнечных и ветряных источников. А между тем, инвестиции в них нерентабельны, поскольку они будут вырабатывать мало электроэнергии, лишь эпизодически.

В результате, оставшись чуть ли не единственной крупной страной Европы без атомных электростанций, закрывая угольные, борясь со сжиганием нефти и газа, покупая, наконец, дороговатый привозной сжиженный газ, Германия получила, как сообщают, самые высокую в Европе стоимость электроэнергии (пример роста: в 2011 году я платил 0,23 Евро за один кВт-час, а в 2021 при практически том же расходе электроэнергии уже 0,41, т.е. в 1,8 раз больше). Не это ли вкуче с высокими налогами привело к заметному выезду из страны квалифицированных специалистов и выводу энергоёмких производств?

В результате всех этих энергетических странностей, Германия оказалась в большой зависимости от трубопроводного газа из России, который покрывал 50% её потребностей, и, следовательно, от политических решений её диктатора. Канцлер Германии заявляла, что увеличение поставок из России, создание избыточной пропускной способности трубопроводов – вопрос чисто коммерческий, как бы забывая, что для российского диктатора он совсем не коммерческий. А он, представляясь публике таким хитрецом, прекрасно умеет заманить лоха во внешне соблазнительный тупик и затем его шантажировать или, в терминах решал, развести. Он и в старости сохранил профессионализм в таких фокусах, но неоднократность применения сделало их прозрачнее, и он прибегает ко всё более тяжёлым и дорогим манёврам. А в свободе рук он, как и прежде, не чета демократическому правителю, принуждённому оглядываться на парламент и электорат.

Крайне актуален урок в виде российско-украинской войны, но об этом дальше – в следующей части.

Демократы, диктаторы, цивилизации

Сегодняшние руководители многих демократических государств выглядят опытными в чиновничьих или парламентских комбинациях, красноречивыми в беседах о счастье человечества, особенно о климате планеты, но не имеют ни опыта, ни мужества в ответственной прак-

тической работе и тем более – в организации действий в критических обстоятельствах. Демократический лидер поднимается путём внутрипартийных и парламентских комбинаций, путём недоговорённостей и компромиссов и, дойдя до вершины, предпочитает улыбаться электрорату и бездействовать. Он предпочитает реагировать на проблемы только по мере их поступления и ни в коем случае не заморачивается чуть отдалёнными угрозами или последствиями своих действий. Это называют прагматизмом и гордятся им.

Когда требуется настоящая самоотдача, слабые лидеры пытаются утопить проблему в разговорах, хитро оказаться не на виду.

Хотя понятно, что разного рода политиканство не есть политика трудных решений, демократическая система слишком часто выдвигает наверх людей, говорливых, талантливых в манипуляциях людьми, но вовсе не годных мужественно руководить в опасных обстоятельствах.

А сила диктатора в ином. Он приходит к власти и утверждается в результате жестокой, часто кровавой борьбы за влияние и на массы, и на верхи общества. Тот, кто сумел пройти этот путь, закалён, готов действовать и, как говорится, способен на многое.

Как это ни печально, выходит, что демократическим лидерам, несмотря на громадное могущество их стран, сегодня трудно противостоять диктаторам, а те отнюдь не пекутся о мире на планете или о благополучии людей, своих или чужих.

Но некоторый оптимизм даёт неожиданная сплочённость демократических лидеров: как в разносторонней поддержке обороняющейся Украины, так и в беспримерных финансово-технологических ущемлениях агрессивной России. Естественно, каждая страна старается эти ущемления ограничить теми областями, которые наименее болезненны для неё самой, не затронуть свою энергетику и сегодняшний идол – будущую экологию (о газе для Германии уже упомянуто). Но действительно укрепить Украину и не иметь при этом собственных потерь – невозможно, и, по ходу всего этого кризиса, демократиям, пожертвовав уже многим, приходится, со скрипом, идти дальше. Ведь уже понято, что цель усилий по пресечению агрессии России – не только независимость Украины, но много шире – свобода и благополучие народов Европы, нерушимость её границ. И, возможно, ещё шире.

Пугающий пример представила вторая мировая война. К ней демократически управляемые страны были, в отличие от напавших диктаторских, совершенно не готовы. Франция практически сдалась. Но Великобритания упёрлась; после начала войны она и США раскошегарили промышленные, военные и политические усилия как свои, так и своих многочисленных союзников. К их счастью, опрометчивое нападение одной диктаторской страны, их врага Германии, на другую – СССР подарило им важнейшего союзника, обладавшего запасом территории и большим мобилизационным ресурсом; они сумели широко и быстро поддержать его. Обладая громадным превосходством в ресурсах, все вместе справились и с германским диктатором, и с японскими милитаристами. Но – всё это унесло десятки миллионов жизней, чего можно было избежать, если бы демократии дали отпор гитлеровской Германии на ранних стадиях её агрессивных притязаний, если бы не были так склонны уклоняться от сложных решений.

Несмотря на всеобщую, казалось бы, усталость от мучений и жертв мировой войны, следом возникло серьёзнейшее противоборство между СССР и цивилизацией демократии. Оно длилось 40-45 лет, затем благодаря горбачёвскому вынужденному миролюбию лет на 15-20 наступило затишье. Возникла даже сначала мысль, потом ложная вера во всеобщий мир, в бесконфликтный «конец истории». Но последние 10-15 лет в роль СССР вводятся новые исполнители – брутальная Россия и, не исключено, мощный Китай, обе страны под управлением диктаторов.

Параллельно и всё более заметно вступают в игру индийская, исламская и африканская цивилизации. Питательной средой служат демографические процессы последних десятилетий: молодёжный бум в этих цивилизациях и спад рождаемости в демократических странах. Это вызывает естественный напор миграции людей из беспокойных первых в более благополучные вторые, а она размывает, подтачивает демократию. Происходит резкое развитие недемократических обществ.

В связи со всеми этими обстоятельствами сегодня у многих возникают сомнения в жизнеспособности Евро-Атлантической цивилизации.

Как видно, мечта о "конце истории" оказалась несостоятельной, и противовесом ей являются очень показательные взгляды С. Хантинг-

тона, изложенным им в знаменитой книге в 1996 году (на русском см. С. Хантингтон, Столкновение цивилизаций, изд. АСТ, 2003).

О диктатуре в России и о её диктаторе

Когда двадцать с лишним лет назад Ельцин вводил Путина в президентский кабинет, тот так широко открывал глаза, выглядел таким надмирным, как будто сошёл с нестеровского «Видения отроку Варфоломею», только чуть повзрослев и приодевшись. Он напоминал трогательных персонажей из «Иванова детства» и «Андрея Рублёва», созданных Тарковским съёмками Ник. Бурляева. (Кстати, в зрелом возрасте Бурляев на редкость откровенно высказывался мракобесом. Органично выглядеть перед камерой в молодости – дело обычное, а превратиться потом в значительного артиста удаётся редко, и это вызывает озлобленность.)

На меня это не производило впечатления, поскольку с самого начала я был убеждён, что служащий советскому сыску и шпионажу, условно говоря госбезопасности – ГБ, не годится на работу президента: у него слишком специфические представления о жизни. У Путина же приспособляемость к дворовым нравам вместе с упёртостью и агрессивностью помножились на занятие агрессивным видом спорта, на лживость советского школьного и юридического обучения, затем на партийную и гэбэшную уголовщину. В соединении с природной сообразительностью всё это дало сегодняшнего хитрого и злобного диктатора. К сожалению, на Западе его долго не хотели раскусить.

Попутно. Ельцина часто винят в выборе такого преемника. Понимал ли Ельцин, кто такой Путин, когда ставил на него? Думаю, что частично понимал, но резко отрицательного отношения у него быть не могло, ведь он сам, будучи совсем недавно первым секретарём обкома безраздельно правящей партии, был близок к ГБ. Но главное заключается, я догадываюсь, в том, что у него не было иного выхода. Нужен был человек, который, получив власть президента, сумеет удержать её. Поскольку же после отстранения компартии от власти никакой действенной структуры, кроме ГБ, в России не осталось, нужен был человек, которого поддержит эта структура, т.е. лучше всего – человек из неё же. И актёрствующий Путин казался Ельцину не худшим, кого можно было там найти.

Например, кандидатура Бориса Немцова тоже рассматривалась, его можно было возвысить, но у него было мало шансов удержаться. Помню, как либералы упрекали Горбачева в том, что он опирается не на них. Он справедливо ответил, что они – не опора: слишком малочисленны и не влиятельны в руководящих кругах.

Сев в кресло, Путин всем наверху так понравился, всех так устраивал, на нефти и газе был денежным, казался даже реформатором, что его президентство стало слишком долгим. Оно превратилось в жестокую преступную диктатуру. Психика диктатора и его окружения обрела трусливую уверенность в своей сверхценности и маниакальную агрессивность. Беспрецедентно опаснейшие последствия этого и для России, и для всего Мира теперь очевидны.

Попутно. Образцом для российской диктатуры является сталинизм. Но этот образец для сегодняшнего диктатора недостижим. Речь, конечно, не о том, что он не достиг и, хочется надеяться, не успеет достигнуть уровня злодеяний предшественника. Обращают на себя внимание другие отличия. Обладая всеми способностями сегодняшнего, кроме физической выправки, прежний, во-первых, не брезговал серьёзно вникать в дела, во-вторых, был осторожен не только лично, но и во внешней политике, не лез на рожон, умел остановиться вовремя и, в-третьих, не забалтывал проблему простенькой ложью, как сегодняшний, а был концептуалистом.

Один пример. Он, видимо, желал преобразовывать колхозы, т.е. государственные предприятия с декоративными признаками кооперативов, в совхозы, т.е. в государственные предприятия без таких признаков. Обмысливая это, он, на основе совещаний вождя партии с её же учёными, создал большую статью «Экономические проблемы социализма». (Её в виде брошюры широчайше опубликовали в октябре 1952 года – за пять месяцев до его смерти, но успели заставить изучать всю страну. Эта кампания проводилась параллельно с юдофобским искоренением космополитов и врачей-отравителей.) В статье он критиковал рудименты марксовых подходов к социалистической экономике страны и объяснял несовершенство уже достигнутого социализма (значит, и сельского хозяйства страны; понимал, что людям всё же есть хочется): мол, колхозы, а их большинство, тем нехороши, что недостаточно социалистичны по сравнению с совхозами.

Решившись на вторжение в Украину, которое он надеялся провести как скоротечную военную операцию, диктатор неожиданно для себя встретил упорное сопротивление и оказался в условиях настоящей войны. Однако, ведение войны для него не органично. В азартных интригах он (и его окружение) – как рыба в воде. А теперь ему потребовалось перейти от своей уникально охраняемой красивой мужской жизни и от увлекательных блефов перед заграничными демократами к тяжелой повседневной работе по руководству страной во время войны. Нести громадную ответственность – совсем не в его возможностях. Он, как говорится, не по тем гайкам. Маниакально увлекшись, затеял слишком крупную игру, игру не по нём и не по силам страны.

Попутно. Недавно на экранах можно было увидеть поразительное представление: диктатор повязывает членов совета безопасности страны неким общим реше-

нием, сформулированным так мутно, как будто оно не подразумевает начало военных действий в Украине. У безымянного постановщика получился зловещий спектакль. На одной стороне громадного парадного зала за небольшим столом сидел диктатор, а на другой стороне метрах чуть ли не в пятнадцати от него полукругом сидели члены этого совета (вперемешку с телевизионщиками). Они по очереди выходили к попитуру и преданно подтверждали, что пора действовать. Один из них осмелился выразиться чуть уклончиво, намекнуть на ещё возможные переговоры, и бдительный диктатор издевательскими вопросами заставил его расколоться, сказать не «поддержу», а «поддерживаю».

Одутловатый диктатор, нахохлившись, выглядел в этой декорации злобным и мелким. Он был соединён со своим советом только узкой ковровой дорожкой. И отделён взаимным страхом. (Такой отъединённости главного персонажа от окружения не видел нигде, кроме картины А. Иванова «Явление Христа народу». Но там – Бог! И Он народу не только является – Он к народу идёт!)

Диктатор недавно «пошутил» на весь мир фразой аморалиста и насильника: «нравится – не нравится, терпи, моя красавица». Я слышал много хамских выражений, но это и среди них поразительно цинично. В его кругу эта мерзкая фраза, видимо, не из неприличных, она ведь не матерная, и он лишь, с привычным юморком «для своих», щегольнул подходящим зловещему случаю речением. Он не понимает, что этим предъявил миру свою личность откровенно и полностью.

Под влиянием географических особенностей России сложилось так, что последние пять веков ею управлял тот или ной диктатор, будь то царь, император, генсек партии, и любой из них опирался на систему принуждения и сыска: от опричнины до различно называемых систем госбезопасности (М. Лермонтов: «...Страна рабов, страна господ, / И вы мундиры голубые, / И ты послушный им народ.»). В конце 1980-х годов рухнула управляющая партия, и госбезопасность впервые оказалась в стране единственной действенной структурой, другой уже не существовало. Первый президент страны Б. Ельцин как-то балансировал в сотрудничестве с ней, а следующий президент, в сущности, ею же и поставлен, и его диктатура на самом деле является диктатурой громадной структуры госбезопасности, хотя внешне выглядит как личная диктатура.

Диктатор опирается не только на структуру госбезопасности: в обидчивости, подозрительности и, как следствие, агрессивности он, по-видимому, совпадает с большей частью населения.

Заглядывая за окончание нынешней диктатуры, более всего стоит опасаться, что следом опять будет вождь, и им будет представитель той же структуры, единственной в стране и ещё более беспардонной, чем раньше.

Альтернатива Навального

В России возникло очень знаменательное явление: впервые за 100 лет была создана общественная структура, заметно конкурентная власти.

Эту структуру построили Алексей Навальный и его многочисленные сторонники. Их Фонд борьбы с коррупцией, занимаясь эффективными расследованиями привластных хищений, образовал «сеть» из 80 «штабов» по всей России. Успех Фонда так напугал диктатуру, что Навального сначала очень сильно, но всё же неудачно отравили, потом накрепко, убийственно посадили и наконец в тюрьме не то убили, не то извели, а участников структуры стараются разметать по тюрьмам и в зарубежье.

Навальный не нравился не только власти; ему не доверяли, от него отмежёвывались многочисленные такого рода оппозиционеры, которые полагают единственной возможностью борьбы с диктатурой сочинение публицистических речей и статей, но отнюдь не практическое, пусть в рамках закона, действие.

Об этом написал в поминальном эссе от 28.02.2024 Серг. Медведев, ведущий программ «Археология» на «Радио Свобода»: *«обвиняли его в том, что он "рвется к власти" и "занимается политикой"». «Сидя на печи и требуя "пусть докажет, что он не проект Кремля", российское общество дождалось отравления, заточения и убийства героя.»*

Выдвигалось и более предметное обвинение. Не только российские сочинители, но и, естественно, украинские политики и журналисты обвиняли Навального в том, что он в 2014 году отнёсся терпимо к аннексии Крыма. Дело же в том, что в то время диктатура ещё не была настолько жёсткой, чтобы совсем исключить его участие в выборах, и Навальный, хотел участвовать, хотел добиться успеха и даже один раз, в Москве, добился немало. А поскольку избиратели практически поголовно радовались аннексии Крыма, он, будучи именно политиком, а не публицистом, очевидно, был вынужден исключить возможное противоречие с большинством по поводу Крыма и сосредоточиться на менее спорных вопросах, на своём коньке вроде коррупции и т.п. Я считаю, что эта история не тянет на обвинение Навального в милитаризме или в склонности к империализму; оно представляется эмоционально естественным, но несправедливым и даже тенденциозным (тем

более, что позднее он ясно высказывался против аннексии украинских территорий и войны с Украиной).

Рядом с боевито бдящими за Навальным, в начале марта обнаружилось совсем иное – в связи с его гибелью на сайте «Медуза» от имени журналиста Шуры Буртина опубликовано приглашение безнадежно сдаваться обстоятельствам. Рациональная часть его текста исчерпывается всего несколькими цитатами в виде полуфраз: *«мы неосознанно все-таки жили надеждой на "нормальное" будущее»*; убийством Навального *«Путин нам по-простому объяснил, что этого будущего нет»*; *«мы очень слабы»*; *«Надеяться, что с Россией в сколько-нибудь обозримом будущем будет что-то нормальное, опасно»*.

Текст Буртина туманен: кто эти мы, на какое будущее Навальный этих нас ложно соблазнял надеяться и почему именно это убийство объяснило, что будущего нет? Неврастенический призыв расстаться с надеждой, будто бы ложной и опасной, вселяемой Навальным, не сомневаюсь, вреден, и, тем не менее, вызвал в сети вздохи сочувствия. Те, кто желал оправдать свою бездумную слепоту, получили нечто вроде индульгенции: надежды-то всё равно нет.

Если догадываться, что Буртин имеет в виду надежду на приход России к либеральной демократии, то и мне кажется это очень проблематичным. Ведь эту задачу вместе с труднейшей задачей федерализации страны должны бы решить экономически самостоятельные деятельные люди, а возникновение влиятельного количества таких людей трудно себе представить в географических и общественных условиях страны, невыгодных для развития производства.

Навальный наверняка понимал проблематичность максималистской надежды, и, однако, старался толкнуть страну в сторону замены существующей диктатуры на нечто хотя бы более приемлемое. Память вполне подтверждает такую возможность: переход от сталинской диктатуры к хрущёвской был великим облегчением.

Попутно. После ужаса сталинской диктатуры хрущевская была, конечно, и кровавой (Венгрия, Новочеркасск), и глупой (Куба), и мерзкой (грубые притеснения литераторов и художников), для многих (например, для моего старшего брата) невыносимо тяжёлой, но в целом скорее смешной, чем страшной. Всё-таки войну в Корее закончили, никакой новой не начали, из Австрии ушли, сажали немногих, а выпустили массово, дерзновенно запустили на орбиту Гагарина. И о населении, насколько умели и могли, немного озаботились и пищей, и жильём. Тогда многие вышли из подвалов и из коммунальных квартир. Например, мои родители в 1962 году купили ко-

оперативное жильё; пусть на окраине Москвы, пусть жилой площади в нём было всего 23 кв. метра, но это была, наконец, отдельная квартира, а не разгороженная комната в коммуналке на 7 семей!

Цитирую эссе Медведева дальше. *«Это был настоящий публичный политик»,* каких *«отродясь не делали в России»*. *«Он предложил России иной стиль политики – открытый, остроумный, человечный, следующий лучшим мировым образцам: по манере поведения, по умению держаться, по оптимистичному настрою и умению объединять вокруг себя людей его можно поставить в число самых ярких политиков 21-го века. И главное – он предлагал сугубо политический, ненасильственный, конституционный путь изменения страны.»*

Вспомним, как правившая в СССР партия коварно убеждала людей, что политика – грязное дело, что политики надо сторониться (де, только её политика является чистой и прогрессивной). Деятельность Навального решительно изживала это всенародное заблуждение. Он вдохновлял людей и вовлекал их в общественную деятельность, превращал инертных конформистов в людей активных, политизированных, способных со временем, когда возникнут благоприятные обстоятельства, решительно постоять за свободу.

Ещё цитата из эссе Медведева. *«Его сценарий разворачивался по знакомому сюжету: сильный моральный посыл ("битва добра с нейтралитетом"), создание команды молодых профессионалов, уникальных личностей <...>, приход спонсоров и активистов, тысяч энтузиастов с огнем в глазах, представителей нового поколения по всей России, готовых рисковать и волонтерить, работать в штабах, стоять на агитационных "кубах". За ними просматривались миллионы сочувствующих, готовых при ослаблении режима идти за Навальным, тот самый модернизированный городской класс, что вырос за последнюю четверть века в России и ждал перемен...»*

К этому стоит добавить немного.

Во-первых, он был на редкость мужественным и ответственным человеком. После отравления он вернулся в Россию, понимая, конечно, опасность этого поступка в условиях жестокой диктатуры, но и полагая морально невозможным призывать людей к действиям, находясь в безопасном зарубежье. (Многие, не понимая силы морального императива, обывательски считают этот его поступок просто глупостью.)

Во-вторых, он был прилично образован и талантлив, так что его выдумки удачно предлагали людям затей, хоть и законные, но для власти крайне неприятные.

И, наконец, он был отлично сложен и обаятельно артистичен, и это делало его речи и просто разговоры не только содержательными, но захватывающе увлекательными.

Из эссе Медведева: *«Его лучезарная семья была лучшей рекламой <...>, что также соответствовало американскому политическому стандарту и резко контрастировало с мутными семейными историями правящей элиты – президента с неясным количеством жен и детей, отпускающего сальные шутки, сенаторов-многоженцев <...>: на их фоне семья Навального, полная любви, нежности и юмора, смотрелась невыносимо светлым пятном и самим своим видом оскорбляла похотливых стареющих мужчин...»*

В заключение невозможно не обратить внимание на архитектурность истории «Навальный против диктатуры». В наш, казалось бы, такой рациональный век она в основных чертах воспроизводит историю известную легендарную последовательность:

- Обличающая проповедь.
- Изживание проповедника и его гибель.
- Попытка скрыть его тело и избежать похорон.
- Издевательство над Матерью.

Параллельные обстоятельства: недвусмысленное осуждение злодейства западным миром; участие в едва допущенных похоронах многих тысяч людей; могила с крестом (он был верующим человеком), заваленная цветами, – будущее место поклонения.

Навальный оставил после себя многочисленных последователей, и за ним решительно встала на редкость стойкая гневная Жена – продолжательница его дела и символ грядущего отмщения.

По всему выходит, что смерть Навального – большая потеря для мира, а для России – потеря глубоко символическая и, боюсь, невозполнимая. Но его история, верю, не кончилась.

Как призвал Навальный, 17.03.2024 я пришёл к посольству России к 12 часам. Чтобы встать в конец очереди для голосования, шёл до хвоста по нескольким улицам больше получаса. Люди, молодые и старые, некоторые с детьми, приехав даже из других городов, стояли по много часов, но многим попасть в посольство не удалось: его закрыли.

Вопросы и надежды

В связи с опасностью для Евро-Атлантической цивилизации (далее – просто Запад), уместно вспомнить, что она родилась в Древней Греции, а её религия – в Палестине и что за прошедшие 25-30 веков она преодолела многочисленные внутренние кровавые распри и нашествия извне. Одновременно она создавала уникальные достижения гуманизма, науки, искусства и техники. Она и сейчас продолжает развивать эти достижения и, кстати сказать, впадает даже в перехлёст, о чём – в следующей главе. Поэтому она является первостепенной ценностью среди всех цивилизаций, каждая из которых, без сомнения, имеет собственные уникальные важные достижения. Важно подчеркнуть, ценность западной цивилизации является ценностью в интересах всех цивилизаций, для всего человечества.

Сегодня перед Западом созрели серьёзнейшие угрозы в Европе и в Палестине со стороны других цивилизаций, особенно в результате экспансионистских устремлений Ирана и России (в ней уничтожение Навального подчеркнуло опасное освобождение её диктатуры от сдерживающих факторов). Заставят ли эти военные кризисы осознать странами Запада опаснейшую реальность и встретить её решительно во всеоружии достижений западной технологии? Можно ли надеяться, что они сплотятся под руководством дееспособных правительств, как это бывало, для решения главных, насущнейших проблем? Выстоят ли они в очередной раз?

Эти вопросы задаются не впервые, и на фоне общего оптимизма часты сомнения и, к сожалению, отрицательный ответ. А к кассандрам надо бы прислушаться! Пока вопросы задаются, надежда не исчезла.

Чтобы сохранить цивилизацию Запада, чтобы, более того, она могла содействовать мирному совершенствованию жизни на всей планете, нет, к сожалению, иного варианта, кроме одного – защищать эту цивилизацию от экспансий и, значит, решительно противостоять им, бороться с их источниками.

Попутно. В связи с упоминанием западной технологии приведу чётко сформулированное соображение: её триумф – *«побочный продукт западной свободы исследований и западной потребности личной инициативы. Они немыслимы без уважения к индивидуальной свободе и без терпимости к инакомыслию. Незападники не всегда ясно понимают духовные причины западного технологического успеха.»* (А. Дж. Тойнби «Цивилизация перед судом истории», М. «Айрис-пресс», 2003, стр. 212).

Глава 3

Новации и последствия

От смены вех к афганскому исходу.

Уже пару десятилетий в наиболее благополучных странах заметна, так сказать, «смена вех». Из публичных обсуждений и правительственных действий уходят социальные проблемы и военные угрозы, и общее внимание концентрируется совсем на другом. Характер новаций удивительно различен: одни касаются межличностных отношений, казавшихся недавно интимными, другие, наоборот, глобальны – миграция населения и влияние людей на климат планеты.

Такая кардинальная замена важных людям тем является, по-видимому, симптомом далеко идущих процессов, и поэтому было бы естественным понять и истоки, и суть перемен. Говорят, что изменения насущных тем связано с окончанием «холодной войны», но она лишь приняла другую, несколько скрытую форму – интриг, происков, подрывных действий, мелких военных столкновений. Затем, правда, обнаружилась и большая война. А социальные проблемы, как были, так и остались. Выходит, истоки перемен не слишком просты.

Не отваживаясь по-настоящему углубиться в них, можно лишь попытаться упорядочить то, что различимо без привлечения аналитического аппарата, что видно на поверхности.

Но прежде всего нужно и новые, и традиционные темы представить.

Обзор новых тем

Среди самых новых тем выделяются две важнейшие, имеющие практический экономическо-политический смысл: приём в Европу азиатских и африканских беженцев-переселенцев и борьба против ожидаемой экологической катастрофы. Связанные с этим проблемы широко исследованы, и это позволяет здесь ограничиться лишь попутными замечаниями.

Попутно. По ходу приёма не то беженцев, не то переселенцев увлечённо сказано много до странности опрометчивых слов, и многое уже беспричинно, но решительно совершено. Только инициаторов удивляет, что это вызвало значительный ущерб как для единства стран ЕС, так и для политического расклада и безопасности граждан внутри тех стран, которые участвовали в приёме. В результате, эта тема уже замалчивается, и видны попытки дать задний ход.

К гуманизирующим призывам и действиям примыкает движение против употребления органического топлива. Именно это топливо, по мнению многих учёных и ещё большего числа политиков и возбуждённых общим вниманием детей, вызывает сегодняшние погодные катаклизмы и опасно грядущим катастрофическим изменением климата. Призывы в этом направлении поддерживаются влиятельнейшими лоббистами и обосновываются научно, они уже претворились в решительные действия и вышли на уровень торжественных межгосударственных обязательств.

В благополучных странах замену органического топлива экологичными источниками энергии можно как-то объяснить уже достигнутой их большинством сытостью. Но и там возникают немалые проблемы (одна из них представлена в предыдущей главе). Для бедных стран всё оборачивается гораздо хуже. Ведь экологические мероприятия требуют сложного и дорогого оборудования: ветрогенераторов, солнечных батарей, аккумулирующих энергию устройств, транспортных средств с электрическими двигателями, новых линий электропередачи и т.п. Многое для этого требуется купить в технологически продвинутых странах, что поставщикам очень прибыльно, а тем покупателям, которые победнее, вовсе разорительно.

Перейдём к ряду не столь отработанных тем, которые предлагаются обществам наиболее благополучных стран как совсем простые, подобные лозунгам. Их широчайшее обсуждение направлено, как можно понять, на то, чтобы изжить дискриминацию всех так или иначе страдающих меньшинств, чтобы как можно скоро подтянуть уровень их удовлетворения жизнью к уровню, уже достигнутому большинством. За разговорами последовали некоторые организационные меры, и в их поддержку местами возникли, к несчастью, даже массовые действия с грабежами и поджогами.

Борьба за гуманизацию вдохновляется людьми, наиболее образованными и, следовательно, материально обеспеченными. Вслед за их

собственным успехом, эти симпатичные интеллектуалы жаждут и требуют безотлагательного прогресса в очень чувствительных областях жизни как западного общества, так и совсем других обществ, даже цивилизаций. Требуют прогресса, безжалостно и немедленно ломающего созданные веками представления об отношениях между людьми. Такое направление общественной деятельности теперь часто обозначают термином *прогрессизм*, образованным подобно марксизму, феминизму и т.п., а его нетерпеливых проповедников – прогрессистами. Призывы подхватили те политики, которые усматривают в этом электоральный интерес, затем избираемые под их влиянием правительства. Тему поддерживает, естественно, та часть бизнеса, которая заинтересована участвовать в ожидаемых и уже начатых практических действиях.

Наиболее важны и на слуху следующие *темы-лозунги* прогрессизма:

- феминизм и преференции для женщин,
- поддержка законами разнообразия предпочтений в сексе,
- допущение употреблять наркотики,
- преференции для национальных меньшинств.

На первый взгляд, эти темы выглядят симпатично, вызывают мало разночтений, и, нет сомнений, подсказаны вполне прекрасными намерениями. Тем не менее, стоит посмотреть на них повнимательней.

В любом, даже в самом благополучном обществе есть и, к великому сожалению, всегда будут люди, страдающие от предвзятой недооценки или от разного рода трудностей в их частной жизни, даже просто в общении. Это люди, так или иначе не похожие на большинство: цветом ли кожи, типом ли своей сексуальности или религиозности, национальностью, акцентом – чем угодно. (Автор этого текста – из самых неудачных нацменов, давно живёт вне своего отечества, так что знаком с темой не понаслышке.) Конечно, есть также женщины, пренебрежительно недооценённые именно как не мужчины, есть и женщины, всячески притесняемые в мужской среде по прихоти сильного или богатого хама. Бывает, кстати, и обратное – притеснение мужчин со стороны женщин. Каждый притесняемый человек по своему в той или иной мере несчастен, и каждому должно сочувствовать. Если этого мало, то нужно защищать и помогать. Нужно это делать так, как этого требуют законы, а по велению морали – ещё шире,

насколько возможно. Правда, с моралью всё же не везде так уж хорошо: хотя она, надо думать, уходит от жестокости, эгоизма и конформизма, но – иногда слишком скандально и значительно медленней, чем хотелось бы.

В благополучных странах послевоенные законы против всяческой дискриминации и унижений введены, и они довольно скрупулёзно соблюдаются, хотя возникают и отклонения, иногда трагические.

Законы могут, конечно, и ещё совершенствоваться. Так, при всём неприятии нарочитой демонстрации однополых сожительства, как бы агитации за него и, особенно, вовлечения в него детей, почему бы не признать такое сожительство некой ячейкой общества в отношении налогов, наследования совместного имущества и т.п.? Но нельзя забывать, что в большинстве обществ на земле предлагаемые свободы интимной жизни неприемлемы в свете их традиционного стремления сохранить популяцию; там они, по крайней мере, подозрительны.

Рядом с уже названными четырьмя темами-лозунгами возникли ещё и две темы, связанные с воспоминанием о былом рабовладении:

- искупление вины за него,
- искоренение связей с ним топонимики и искусства.

Как видно, первая тема – из области духовного раскаяния, а её следствие, вторая тема, – уже с кулаками и бульдозерами.

Призывы об искуплении звучат так настойчиво, как будто рабовладение всё ещё актуально. А ведь практически во всех странах рабовладение запрещено уже по крайней мере лет 150. Правда, доходят сведения, что в некоторых глухих местах планеты оно практикуется ещё и сегодня; там бы этим и заняться, но вызывают к прощению, становятся на колени совсем в других странах, особенно охотно – в США.

Что же касается рабовладельческого прошлого, более давнего, чем 150 лет назад, то оно пришло из глубины веков. В те времена не найти крупного деятеля, не связанного с рабовладением. Так, хорошо известно, что свободные граждане городов Древней Греции, которые каким-то чудом в VI веке до н.э. создали культурные и научные основы европейской цивилизации, – владели рабами. Обращаясь к России, видим, что её самые замечательные деятели – Пушкин и Толстой, будучи дворянами и помещиками, естественно, владели крепостными

крестьянами, т.е., строго говоря, были рабовладельцами. К началу колониализма Африка была сплош рабовладельческой.

В свете сделанного напоминания о древности и изжитости рабовладения, искоренять напоминания о людях, живших в ту рабовладельческую эпоху, сносить памятники (это – вторая тема) всё равно что перечеркнуть всю историю землян и уничтожить всё в архитектуре, скульптуре, живописи, литературе, даже науке и технике. Всё, что создано до середины XIX века.

В связи с воспоминаниями о рабовладении, вспомним известное соображение: о поступке нужно судить исходя из законов и морали того времени, когда он совершён, а не с более поздней высоты. Коротко говоря, мораль, как и законы, обратной силы не имеет. Так, например, в XVII веке, в начале колониализма, ни рабовладельцам, ни рабам не приходила в голову мысль о постыдности рабовладения, и их вины за это – нет. Наоборот, уничтожение гитлеровцами евреев, цыган и инвалидов преступно не только с сегодняшней точки зрения, а как решительно противоречащее морали середины XX века и даже обычным, не нацистским, законам того времени. А нашим дальним потомкам (если они будут!) многое, с чем мы сегодня вполне миримся, без сомнения, покажется совершенной дикостью – например то, что значительная часть населения планеты (похоже – половина) не имея ватерклозетов, довольствуется чем-то иным, к примеру, ходят «до ветра». Но, надеюсь, потомки не будут из-за этой дикости сносить памятники нашим замечательным людям.

Упомянутые здесь взгляды обсуждаются и выдвигаются на самый первый план как главные для человечества. Они претворяются в прогрессистские законы относительно отношений между людьми и в запреты относительно источников энергии, признаваемых слишком опасными или вредными. Эта деятельность представляется сильным перебором в силу прискорбного наличия других тем, от которых прогрессизм отгородился, но которые отражают наиболее реальные потребности большинства населения планеты и угрозы для него.

Обзор нужд и угроз

Все без исключения народы имеют очень серьёзные нужды, и их тревожат серьёзнейшие угрозы, старые и новые; объединим их в *перечень тревог*:

- безработица и низкая оплата простых видов труда, отсюда бедность,
- плохое образование большинства людей, особенно бедных,
- недостаточная медицинская поддержка большинства людей, особенно бедных,
- экспансия и терроризм со стороны бурно развивающихся цивилизаций (сегодня наиболее видна экспансия в виде миграции в Европу из стран ислама, а также в Украине и в Палестине),
- гибель как военных, так и ещё больше мирных людей в возникающих то там, то тут локальных войнах, направленных на приобретение соседней территории, на изгнание населяющего её этноса или даже на уничтожение его (геноцид),
- опасность возникновения ядерной войны и гибели в ней практически всего человечества,
- новейшая опасность гибели населения густонаселённых районов Земли от пандемий, порождаемых природой или даже, что совсем новов и особенно опасно, – создаваемых искусственно.

Все тревоги этого перечня, за исключением опасности вирусных инфекций, давно и хорошо известны. Они касаются всех – как большинства любого народа, так и любых его меньшинств, и вряд ли требуют пояснений. Уместно уточнить только относительно первых трёх тревог – о бедности, образовании и медицине: не везде тревожатся об одном и том же, а в зависимости от уровня жизни (как говорится, одни горюют, что щи жидкие, другие – что жемчуг мелкий).

Различие лозунгов и тревог

Как видно, перечень тем-лозунгов и перечень тревог резко различны. Жизненная важность, первостепенность для населения планеты проблем бедности и безопасности, т.е. именно перечисленных тревог, а не лозунгов очевидна. Однако, лозунги выдвигаются и продвигаются в мероприятия без видимой связи с тревогами и угрозами. Какова причина этого и что побуждает правительства отдать приоритет лозунгам по сравнению с тревогами?

Хотя в авангарде прогрессизма видны люди образованные, в своём благополучии удалившие себя от проблем действительно общечеловеческих, дело не только в высокомерии или снобизме. О лозунгах говорить легко и приятно, погрузиться в причуды из светлого будущего

го – хороший тон, говорливый выглядит чутким добрым человеком. Многие из сторонников лозунгов представляют себе бедность лишь на уровне сантиментов и необременительной благотворительности, а ужасы войны, террора, мора и голода им совсем неведомы. Запретительно-разрушительные плоды деятельности в направлении лозунгов достигаются легко и, вместе с тем, что не подчёркивается, кое-кому обещают немалые доходы. На таком фоне перечень тревог выглядит неприлично банальным и, главное, требует серьёзнейшей постоянной работы и расходов. Успех же наступает далеко не сразу, и его редко удаётся продемонстрировать к ближайшей избирательной компании. В результате лозунгами занимаются взахлёб, а угрозы упоминают свозь зубы.

Хуже того, под влиянием принятого выбора приоритетов правительственный аппарат, увлечённый в отрыве от реальности прогрессистскими разговорами и действиями, постепенно деградирует в сторону нежелания и неспособности заниматься чем-то другим, тем более решать ответственные задачи (наглядные примеры в Берлине: немислимо длительное и дорогое строительство аэропорта и бестолковая организация выборов в сентябре 2021 года).

В связи с изложенным, деградация руководства многими благополучными странами не удивительна. Исключительно наглядный пример продемонстрировал недавний (август 2021 года) выход из Афганистана военных и штатских служб США и их европейских союзников.

В связи с данной темой стоит вспомнить недавнюю афганскую эпопею.

Подход к афганскому провалу

Военное вмешательство США в Афганистане возникло как замещение там «ограниченного контингента» войск СССР и продолжилось параллельно с вторжением в Ирак в ответ на жуткий теракт 11 сентября 2001 года, совершённый большой группой доморощенных в США исламистов-самолётчиков. Тогда казалось естественным задавить исламистских террористов в их гнёздах. Идеологической основой этого вмешательства служила самоуверенная убеждённость, что все общества, не относящиеся к благополучным, никакой самостоятельной культурной, цивилизационной ценности не имеют, а являются просто сильно отставшими в развитии. У них будто бы нет своей оригиналь-

ной внутри человечества судьбы, кроме усовершенствования до состояния благополучных стран под их мудрым и небескорыстным патронажем.

(Между тем, исламский мир, теперь кажущийся отсталым, передал более невежественному тогда средневековому европейскому важнейшие сведения о десятиричном изображении чисел из Индии и об антично-римской культуре, и тем подтолкнул Возрождение.)

Борьба с исламским движением Талибан происходило в очень сложной горной стране, где в каждом ущелье – свой род, свой клан, своё чуть ли не отдельное государство. В сущности, это была борьба с родовым укладом, религиозной охранительной нетерпимостью и отсюда – стремлением к вражде и терроризму. Более того, как ни странно, целью было создание там демократического общества! Борьба сопровождалась гибелью около 2500 западных военнослужащих и гораздо больше афганцев. А между тем, декларированная цель, надо думать, принципиально недостижима в столь незначительный срок, как потраченные на это десятилетия. Причина проста: никаких демократических традиций у населения Афганистана, как и у многих подобных стран, – нет и в обозримом будущем не предвидится. Поэтому сам по себе уход из Афганистана представляется вполне разумным завершением этой неразумной эпопеи.

За исключением отчаянных мечтателей, любой человек опасается ставить перед собой несбыточные цели, и так же точно поступают зрелые общества. Так, благородная и действенная помощь нужна только тем народам, о которых хорошо известно, что они хотят и могут идти к мирному благополучию. Напротив, вмешательства, подобные афганскому или иракскому, мало того, что безнадежны, и опыт подтвердил это многократно, – вдобавок, смею утверждать, они вообще не нужны. Чтобы исключить террор у себя дома, не требуется внедряться в среду стран, его порождающих. Не нужно, тем более, пытаться переделать их на свой лад, навязывая чуждые им либерализм и демократические институты. Совсем небольшой цивилизации Запада не нужно учить остальной большой мир, как жить. Пока не опасны, не лезут, как, например, в Украину, в Грузию, на Тайвань, не размахивают атомной бомбой, пусть у себя делают, что хотят, хоть всех своих оппонентов зарежут, как грозитсч чеченский вождь. Правда, такой подход ограничен: нужно, чтобы оппонентов или просто притесняе-

мых не обязательно резали, а желающих всё-таки выпускали. Пример – требование США выпустить евреев из СССР.

Признавая право стран иных цивилизаций жить по их обычаям, быть другими, необходимо надёжно дистанцироваться от них. Это значит не пускать их нравы к себе, стараться всемерно и, если надо, жёстко сдерживать их обычные нетерпимые поползновения: разного рода экспансию, агрессивность, терроризм. Элементы сдерживания различны, в их числе и неприятные в отношении коммерции, и это заметно охлаждает решимость правительств благополучных стран.

Другая очевидная сторона сбережения своей цивилизации – разумно ограничить миграцию, а в допущенных мигрантов настойчиво внедрять новые для них представления о жизни, не забывая тщательно контролировать ход ассимиляции.

Приводится курьёзное оправдание провала в Афганистане: мол, виной – тотальная там коррумпированность. Думается, однако, она пышно расцвела в стране как раз в результате вливания в неё десятков миллиардов долларов – гигантских сумм, ранее немыслимых для такой страны. Разве можно поверить тому, что американцы с европейцами не видели эту коррупцию 20 лет и увидели, только убегая? Спрашивается, почему же раньше не позаботились прекратить развооруживание? Не потому ли, что часть западных благодетелей была заинтересована в воровстве, получала свою долю из этих миллиардов?

Исход пришельцев

Какими бы ни были оправдания прошлого, а к разумной цели выхода из Афганистана двинулись поразительно беспечно.

Говорят, уход из Афганистана был давней мечтой президента США, и новое правительство страны приняло первое за каденцию серьёзное внешнеполитическое решение – вдруг объявило о срочном выводе своих ещё оставшихся там военнослужащих. А они, в частности и чуть ли не в основном, осуществляли организацию поддержки местных войск с воздуха, поддержку им крайне необходимую.

Понятно, что исход требовалось тщательно спланировать и действовать коллегиально и поэтапно. Сначала под защитой местной армии и своего военного контингента – эвакуировать своих гражданских лиц. После этого стала бы естественной вторая фаза: постепенная передача всех полномочий местному руководству и его армии, затем

сворачивание и, в последнюю очередь, вывод своего военного контингента. Операция, выполненная без суеты, с осторожной решительностью, могла не вызвать краха местного руководства, не потребовать эвакуации многих афганцев, в глазах Талибана – коллаборационистов, скомпрометированных сотрудничеством с пришельцами.

Как хорошо известно, уход из Афганистана произошёл в виде позорнейшего бегства военных вместе с наиболее удачливыми из штатских и в срок, непререкаемо ограниченный ультиматумом со стороны неизмеримо более слабого, но победоносно ликующего противника, уже захватившего все главные города страны и громадное количество брошенного дорогого военного снаряжения. А посаженное западными странами афганское правительство и его собственное воинство исчезли ещё до вывода западных войск, как только он преждевременно начался и поддержка со стороны этих войск стала исчезать.

(Для сравнения: после того как СССР, уже находившийся в очень плачевном состоянии, в течение 9 лет пытался насадить в Афганистане социализм и, наконец, в 1989 году вывел оттуда свои войска, тамошнее марионеточное «социалистическое» правительство года три, насколько помню, всё-таки продержалось.)

История Афганистана показала, что его население фантастически нетерпимо к иноверцам и пришельцам, которым, со своей стороны, трудно принять непреклонность афганских понятий: ненависть к инаковерцам, честь, подчинение авторитетам, месть. Но сколько горя афганское население уже вынесло! И сколько горя ещё впереди – от самого себя и от непростых соседей.

Заключение

Итак, пусть бегло, выше представлено немало: и новомодная подмена проблем в благополучных странах, и состоявшаяся в Афганистане наглядная демонстрация плачевных заблуждений. Автор, как можно заметить, полагает традиционные проблемы более насущными, чем прогрессистские. Однако, занимаясь главными проблемами, разбираясь в предстоящих миру угрозах, отнюдь не следует забыть о разумной части лозунгов прогрессизма. Но и не нужно позволить им выйти на не подобающее им первое место и этим закрыть от народов необходимость решительно заняться самыми реальными трудностями жизни и угрозами ей.